

ДИАПАЗОН МАСТЕРА

Два страстных, яростных характера, равных силой и противоположных по существу; два женских образа, сосредоточивших в себе все оттенки чувств, от крайней нежности до крайней ненависти; две роли в одной пьесе, требующие огромного темперамента и мастерства, — вот какая работа выпала на долю народной артистки РСФСР Татьяны Дорониной и сделана ею, скажем сразу, основательно. Это Мария Стюарт и Елизавета Тюдор в спектакле столичного академического театра имени В. В. Маяковского «Да здравствует королева, виват!».

Около двух лет назад, будучи гостьей 13-й страницы «Недели», Татьяна Васильевна сказала: «Мария в пьесе Роберта Болта — совсем иная, это не пылкая и безвинно страдающая Мария Шиллера и не Мария Цвейга, в чем-то близкая шиллеровской. Эта Мария — пленительная и лукавая, виноватая и грешная, чрезмерная во всех своих проявлениях — в гневе, радости и ошибках, искупающая все ошибки мужеством смерти». Такой и стала Мария в спектакле, поставленном народным артистом РСФСР Андреем Александровичем Гончаровым.

И такой Марией можно было заранее представить Доронину, перебрав в памяти лучшие ее творения. Но у спектакля есть и вторая половина: Елизавета. Вот такой Дорониной мы еще не видели.

Работая над этой ролью, актриса изучила все документальное о Елизавете Тюдор, что можно было найти в крупнейших столичных библиотеках. Проследила эту мрачную судьбу с тех дней, когда титулованное окружение начало вытрагивать из детского сердца человечность. К моменту, когда Елизавета выходит перед нами на сцену, ее ум отточен пережитым и злом; познав все, кроме материнства и искренности, она беспощадно жестока и дьявольски цинична. Но краски не сплошь черны: Елизавета Дорониной обаятельна в своей саркастической прямооте, сознательная пленница собственной власти, она тщится любить — и вновь обманута и предана, и признает в финале, что проиграла Марии, ибо «в смерти среди людей больше жизни, чем в жизни, которой все бегут». И когда эта железная старуха, хромая, скобочеченная подагрой и полузадушенная астмой, беззвучно рыдает по своему несостоявшемуся счастью, мы, в зале, чувствуем, что актрисе удалась самая высокая нота. И осознаем, что границы, которыми мы, зрители, порой безапелляционно очерчиваем творческий диапазон мастера, могут быть им в любой миг сметены. Да и где они окончательны, эти границы, и знает ли их сам мастер?

У Дорониной хорошие партнеры: А. Ханов, А. Джигарханян, Б. Химичев, А. Мартынов, Ю. Горобец, К. Мукасян, А. Преснецов, В. Вишняк. Это талантливые люди, это ансамбль. А исполнительница главных ролей дарует нам радость открытия, тем более волнующего, что оно достигается в непрерывном сопоставлении двух парадоксальных натур.

Больше трех часов идет спектакль, почти три часа Доронина на авансцене. Эпизоды Марии педантично чередуются с эпизодами Елизаветы. Актриса покидает сцену лишь для того, чтобы через несколько десятков секунд вернуться в

ином образе и облике. У нее фактически нет времени на каждое следующее перевоплощение, успеть бы сменить костюм. Но при постоянном сценическом цейтноте Доронина ведет оба образа в развитии, последовательно, доказательно, можно сказать — филигранно. Нет ни одной сцены, где ее противоборствующие героини были бы внутренние безмятежны, нет, это непременно порыв, натиск, коварство, протест, лицемерие, взрыв страсти или отчаяния, горя или торжества — сколько сил, душевных и физических, сколько труда, разума и воли вкладывает актриса в свое дело!

— Что вы ощущаете в ходе спектакля? — спросил я Доронину. — К финалу вы должны очень устать.

— Не знаю, — ответила она. — Мне все время жаль, что остается все меньше сцен: вот и эта уже сыграна, и эта...

Сюжет воспроизводит события, действительно происшедшие в средневековой Британии. Роберт Болт назвал свою пьесу «почти исторической хроникой» потому, что он, автор, диктует персонажам язык, каким в действительности они говорить не могли. Допустим, иностранный посол описывает жениха-принца, ублюдочного карлика: «Он, как бы это сказать, компактен». Елизавета, измученная борьбой с обстоятельствами, шепчет себе: «На этой работе быстро стареешь. На этой работе перестаете быть женщиной». Трагедийность действия выгодно подчеркивается всплесками юмора — сердитого у Марии, язвительного у Елизаветы, безосновательного у исполнительницы. Так судишь, глядя из зрительного зала; Центральное телевидение, показав недавно в передаче «У театральной афиши» избранные эпизоды спектакля крупным планом, укрепило это зрительское впечатление.

Трудно и вряд ли верно подходить к этой работе с арифметическими мерками, расчленять ее надвое. Но если на это решиться, то вместе с закономерным успехом Дорониной в роли Марии отмечаешь безусловный успех в многоплановой роли Елизаветы; складываясь вместе, оба эти успеха превращаются в триумф. Когда зал полчаса благодарит овацией актрису, Гончарова, всю труппу. Когда задолго до начала спектакля на другом конце улицы Герцена или в середине Тверского бульвара услышишь: «Нет лишнего билета?» и не сразу сообразишь, что речь идет о Театре имени Маяковского, до которого еще минут десять ходьбы.

У Дорониной в театре есть Альдонса в «Человеке из Ламанчи», еще роль — в «Проводах» Дворецкого, недавно она органично и ярко вошла в погодинские «Аристократы» — на главную женскую роль. И теперь — «Да здравствует королева, виват!». Новое подтверждение непреложной истины: когда мастер не в творческом простом, это всем приятно, полезно, интересно; наконец, это просто рентабельно.

П. МИХАЙЛОВ.

НА СНИМКАХ: Доронина — Елизавета и Мария.

Фото В. Ахломова.

